

Он работал до последнего часа. Через боль. Как оказалось, давнюю и затаенную. Характер, внутренняя глубина и то, что принято называть мужественностью, служили ему до конца. А ведь можно было позволить себе расслабиться. «подыграть» болезни. Но выше всего он ценил в себе (да и в других) стержень личностного. Он артист. У него общественный лик. Не все для него (как это нередко бывает в порочной стороне популярности), а он для всех. Глаза гасили боль, их неизменная лунавица с хитрецей наменела, резко бороздили лицо эти две его трагические складки...

А надо было оставаться самим собой. Он входил в тяжелый (как крест) мир «Журавлей». Своей самой последней великой песни. «Промежутком малый» в том клину был для него. Как теперь вот, ровно через двадцать лет, также на исходе лета, стал для автора «Журавлей» композитора Яна Френкеля, давнего друга Бернеса...

И тогда, в шестьдесят девятом, крылья журавлей отдавали августовским багрянцем. И вот настал тот день, и с журавлиной стаей... Бернеса провожала его прощальная песня, которая уже летела над землей. Ее, столь негромкую, слушала вся страна. Как в свое время слушала и другие бернесовские песни: «Враги сожгли родную хату», за которую и ему и авторам досталось за якобы упадничество и недозволенную в нашей «сплошь оптимистичной жизни» трагичность; скромный сердечный вальсок из «Человека с ружьем» «Тучи над городом встали», неподражаемую вереницу песенных шедевров Никиты Богословского, более чем тридцатилетнего друга артиста («Темная ночь», «В далекий край товарищ улетае», «Три года ты мне снилась»), «Я люблю тебя, жизнь» Эдуарда Колмановско-

М. БЕРНЕС: «ИСКУССТВО- ЛЮБОВЬ ВЗАИМНАЯ»

ЧЕТВЕРГ, 21 СЕНТЯБРЯ.
1 ПРОГРАММА, 11.15;
PO-4—9.15; PO-3—7.15;
PO-2—5.15; PO-1—5.15

го, которую именно Бернес, как волшебный паромщик, смог переправить с берега поэзии Константина Ваншенкина на высокий берег песни...

И теперь вот, в эту паузу между тем, когда в нас лишь от легкого усилия памяти зажигаются незабываемые образы бернесовских песенных открытий-откровений, и тем, когда начнет колдовать его голос, задумаемся о том, что

смог в песне этот задумчиво-красивый человек.

Итак, одним из первых он доказал, что песни можно и рассказывать и играть. Чуткостью сердца и тонкостью внясту. Он убедил всех, что шквал отрицательных рецензий в общем-то чепуха, если внутри есть настоящие. Он победил «академистов», которые поворачивали массовую песню только и колоннам Большого театра. И тем самым и началу шестидесятых вскрыл лед на рене под названием авторская песня — подальше от того, казалось бы был тогда далеко от Бернеса, был «независимым островом исповеди», — Орудинае, Высоцкому, Визбору, Матвеевой... Разумеется, все они бились сами по себе, но куда и как идти, они после мудрого опыта Бернеса уже знали. И еще. До Бернеса в основном пели для всех. Для зала, для площади, для стадиона. Словом, для масс. Бернес начал петь для каждого в зале, на площади, на стадионе. Да и не петь, а просто рассказывать о том, что есть жизнь. Самая обыкновенная необыкновенная жизнь.

Говорят, что он был человеком придиричивым. Сражался лютю с любой фальшивой нотой или словом. Продолжал «мучить» на записях, когда все считаешь и не споешь. Как мальчишка, обиделся как-то, когда в оркестре вместо аккордеона заиграли на какой-то «электронной дудке»... Теперь-то ясно, зачем он это делал. Бернес не просто терпеливо и убежденно работал, а любил свое дело больше себя. Вот его слова: «Терпение и спокойная уверенность в искренности творческих побуждений. В успех будет. Не сюсюняв, а настоящий. Убеждать нужно сердцем, а не словами. Искусство — это любовь. Любовь взаимная».

В. ГУСАРОВ

Фото Н. Невского

Гав. и показ, Москва, - 1989, - № 38, - с. 6
сент.